5
24 ЯНВ 1960
г. Чебоксары

КОМПОЗИТОР Ф. ПАВЛОВ О СЕБЕ

ЧУВАШСКИЙ научно-исследовательский институт готовит к изданию сочинения классика чувашской музыки и драматургии Федора Павловича Павлова. В связи с этим старому юристу И. А. Шевле, который в двадцатых годах некоторое время работал вместе с Ф. Павловым, удалось разыскать ряд ценнейших документов, освещающих жизненный путь композитора и драматурга. Один из них представляет описание самим Ф. Павловым своего жизненного пути.

В ПЕРВОМ разделе этого документа Ф. Павлов описывает свою родину (он родился 13 сентября 1892 года в селе Богатырево Цивильского района).

Раздел заканчивается словами: «...Бедный край. Есть ли у него перспективы? Может быть, и есть. Но я люблю мою родину, как свою родную бабушку, которая преждевременно постарела от полной невзгод жизни».

Далее автор рассказывает о своем детстве.

«Мне мило мое детство, — говорит Ф. Павлов. — Я любил свою деревню, улицу, свой дом, небольшой садик в огороде. Хорошо помню наших домашних четырехногих обитателей...

Летом мы с товарищами бегали в соседний лес, купались в речке, забирались в ржаное поле или ловили на лугу бабочек. В продолжение лета мы ездили в ночное, играли в хороводе, работали на покосе, на жнитве и бывали раз или два на чувашских свадьбах.

Зимою соседи наши нередко собирались у нас на улахи (посиделки). Бывало, сидят девушки и парни на улахе, работают, сказки слушают, песни поют. Девушки вышивают, прядут. Парни чинят сбрую, плетут лапти, корзины, ткут рогожу. Скучно станет — появится музыка, и начнут молодые люди плясать. Весело зимой на улахе!..

Брат мой ходил в то время в школу. От него я усвоил первые уроки грамоты. Механизм чтения я усвоил довольно быстро, но прочитанного не понимал, потому что книги были русские. Однако мне очень хотелось показать свои грамотейские успехи. Раз за ужином я стал изо всей мощи изощряться в произношении зазубренных слов из русского букваря, примерно таких: бря, мря, зря, дря... Все покатились со смеху. Но отец рассердился, потому что я допустил за столом непозволительную выходку. Меня выгнали из-за стола. Мне стало обидно, потому что, как мне казалось, никто не оценил моего подвига: шутка ли так блестяще усвоить чужую грамоту! Я заплакал. Это было первое и последнее наказание, которое я получил от моих родителей в детстве. Вообще в нашей семье не наказывали. Мама говорила, что дети, которых наказывают, никогда не бывают умными».

ОПИСАНИЕ своего учения в Икковской двухклассной школе интересно главным образом с точки зрения восприятия и оценки Павловым революционных событий 1905—1907 годов, а также признания им своими воспитателями известных революционных деятелей среди чуваш Н. Ф. Беляева и Ф. Н. Николаева (Сергеева). До сих пор считалось, что последние были лишь друзьями Ф. П. Павлова по Симбирской школе.

«Учение в двухклассном, — продолжает Ф. Павлов, — отрывало меня от родительского дома на целые недели...

Учение как учение. Оно не представляло ничего особенного. Но мы учились в революционные годы. Как теперь помню, повсюду начались крестьянские волнения. Нам было известно, что недалеко от нас в некоторых деревнях произошли столкновения крестьян с полицейскими отрядами. Мы по нескольку раз в день собирались кучами, пели революционные песни, объявили бойкот законоучителю и один раз, когда выпал первый снег, окружили его дом всей школой и бомбардировали снежками. После рассказывали, что опешивший поп спрятался в подполье и просидел там до вечера, а ночью поскакал в Чебоксары жаловаться начальству.

Однажды ночью к школьной сторожихе, у которой я проживал на квартире, постучались мужики. Мы все сразу почувствовали какую-то тревогу. Мужики нам сообщили, что в школе и на квартирах наших учителей производят обыск. Мы наскоро оделись и гурьбой побежали к школе... Навстречу, задыхаясь, бежал знакомый мужик. Мы его остановили. Он рассказал нам в отрывистых фразах, что к школе не допускают, а нашего заведующего, Беляева, арестовали. «Вот сейчас только вытащили Николая Федоровича из квартиры в одном белье, посадили в сани и хотели увезти. Но он потребовал, чтобы ему дали одеться...». Мы стремительно бросились к школе, но опоздали. Беляева увезли. После мы узнали, что он сидит в Цивильской тюрьме.

Весною, перед роспуском учеников, уволили другого нашего учителя Ф. Н. Николаева (ныне секретарь Чувашской секции при ЦК РКП(б). На прощание он долго беседовал с нами. Последними его словами к нам были: «Учитесь и стойте за народ! Когда-нибудь встретимся». Многие из нас плакали. С пением революционных песен мы проводили его из села. После отъезда Ф. Н. мы приуныли. От нас отняли наших любимых учителей. Вновь назначенных учителей мы не любили, и учиться нам не хотелось.

Через год мы окончили курс и довольно успешно. Может быть, мы приобрели не много знаний, но зато приобрели немного и революционного духа».

ОСЕНЬЮ 1908 года, продолжает Ф. Павлов, я поступил в Симбирскую чувашскую учительскую школу. Перед этим отец мне говорил: «Поезжай, сынок, учись. Только с меня не взыщи: сумеешь поступить на казенный счет — твое счастье, не сумеешь — денег у меня нет». Однако, отец на самом деле не был таким безучастным родителем. Средств у нас действительно не было. За мою участь отец волновался даже больше, чем я сам. Он сам повез меня в Симбирск и был потрясен от радости, когда узнал, что меня приняли на казенный счет.

Дух воспитания в Чувашской школе был совершенно своеобразный. Основатель школы Иван Яковлев с самого начала завел такой порядок: в школу принимали только детей крестьян, а кто поступил, тот должен был не только учиться, но и работать.

Обычно трудовой день проходил так. Вставали в 6 утра, в 7 завтракали, в 8 начинались уроки. Дежурные ученики убирали в спальнях, чистили картошку на кухне, качали воду. В большую перемену все ученики выходили на гимнастику. После обеда певчие уходили на спевку, музыканты упражнялись на скрипках и духовых инструментах, а остальные ученики работали в столярной мастерской. В школе вся простая мебель сделана учениками, как-то: парты, скамейки, табуретки, столы, шкапы, верстаки; даже школьный иконостас сделан при большом участии воспитанников: красивый, дубовый резной иконостас. Кроме того бывали сезонные работы. Осенью мы чистили школьный двор, огород, сад, рыли картофель, рубили капусту, а весною устраивали парники, сажали картофель и пр. огородные овощи. Всего не перечислишь. Одно только можно сказать, что в течение 50 лет эта оригинальная трудовая школа постепенно росла и процветала.

Пробыв 4 года в Симбирской школе, я не отучился от родной крестьянской работы, но наоборот — еще более привык к труду. Школа дала мне трудовое воспитание.

МЫ КОНЧИЛИ курс. Каждый из нас решал вопрос о дальнейшей своей судьбе... Куда деваться? Вопрос этот я считал для себя главным. Учиться дальше или учительствовать? Но обстоятельства скоро выяснились. Яковлев предложил мне остаться при школе преподавателем пения вместо умершего И. М. Дмитриева. «Дедушка», так мы называли И. Я. Яковлева, мне сказал: «Будешь преподавать, и, между прочим, при городских условиях жизни тебе легче будет продолжать образование». Он был прав. В деревне о подобной роскоши, как образование, думать было нечего. После я в этом убедился. Перспектива остаться в Симбирске меня привлекала, и я остался...

Единственно, чем я был недоволен в новом обществе,—это бюрократический, блестящий, барский тон, против чего где-то в глубине души бунтовала моя мужицкая натура... Это настроение во мне поддерживали мои товарищи. Это были мои бывшие икковские учителя-революционеры Ф. Н. и Н. Б., служившие в Симбирске под надзором начальства, и известные чувашские поэты К. Иванов и Н. Васильев, исключенные из школы за революционную деятельность...

В кругу товарищей я пришел к убеждению о необходимости продолжить свое образование. Я заявил о своем желании И. Я. Яковлеву. Он определил меня в Симбирскую духовную семинарию, куда я поступил в 4-й класс».

РАССКАЗ о пребывании в Симбирской духовной семинарии Ф. Павлов сопроводил весьма выразительным подзаголовком, свидетельствующим об атеистических взглядах автора.

«В семинарию нас из Чувашской школы поступило трое. Семинарская жизнь нам нравилась. Но науку семинарскую мы не переваривали.

Как-то после чтения Огюста Конта мы заспорили с семинаристами о бессмертии души и о материализме. Я и мой товарищ Ильин доказывали, что ни философия, ни теософия не в состоянии опровергнуть учения материалистов о бытии. Во время спора пришел в класс преподаватель философии Б. Семинаристы закидали его вопросами. Обеспокоенный философ спросил: «В чем дело?» и предложил нам с моим товарищем изложить нашу «систему». Мы отказались, объяснив, что это был обыкновенный ученический спор. Тем не менее, нас после урока позвали к ректору, который сказал нам: «Вы там с своей химией что хотите делайте, но наших семинаристов не заражайте, а то мы вас отсюда — помелом».

Таким образом, не веря в семинарскую схоластику, мы три года зубрили ее. Попутно с семинарской наукой я изучил всеобщую историю, физику, историю западноевропейской литературы, историю русской общественной мысли и французский язык...»

С ПЕРВОЙ ласточкой — так назван раздел, посвященный описанию работы в первые годы революции. Выясняется, что работа Ф. Павлова в судебных органах была отнюдь не случайной.

«Февральская революция,—пишет он, — застала меня учителем в одном из глухих уголков Ядринского уезда. Я хворал воспалением легких... По моему заявлению в конце мая 1917 года Чебоксарским чрезвычайным земским собранием я был избран в мировые судьи по Чебоксарскому уезду. Я поехал во второй судебный участок в село Акулево Чебоксарского уезда.

Как теперь, помню то душевное волнение, которое я пережил после вынесения моего первого приговора... В ту ночь я не спал и готов был отказаться от моей службы.

Грянула Октябрьская революция. Упразднили институт мировых судей. В январе 1918 года я сдал камеру и уехал в Казань для работы в чувашской печати. Но не успел окунуться в новую работу, как получил из Акулевского волисполкома телеграмму о том, что крестьяне Акулевской волости избрали меня народным судьей своего участка и пригласили обратно в Акулево. Я решил вернуться».

О СВОЕЙ работе в качестве литератора, фольклориста, музыканта, педагога Ф. Павлов говорит следующее:

«Объявили Чувашскую автономную область. Я переехал на работу в Чебоксары. Меня назначили в областной отдел народного образования. За время моей работы в облоно я открыл и организовал в Чебоксарах музыкальную школу, в чем мне громадную поддержку оказал известный среди чуваш работник Т. Алексеев.

Литературную деятельность я вообще не прекращал. Состоял постоянным корреспондентом «Канаша» и «Шурăмпусь». В названных органах я печатал свои фельетоны и одноактную комедию «Сутра» (В суде). Типы для комедии я взял из моей судебной практики. Одновременно я занимался чувашским фольклором. За недостатком культурных сил приходилось браться за любое дело...

Артистической деятельности я отдавался постольку, поскольку это требовалось этикетом или обстановкой. В течение первых двух лет существования области я бескорыстно пропагандировал чувашское искусство на всех партийных и советских съездах и конференциях...

Педагогическая моя деятельность охватывала четыре учебных заведения в Чебоксарах: центральный педтехникум, музыкальную школу, Чувашский рабфак и Чувашскую совпартшколу. Научные занятия я продолжаю в Обществе изучения местного чувашского края, в котором состою действительным членом. В настоящее время я работаю над диссертацией под названием: «Чуваши, их песенное и музыкальное творчество». Первый том работы закончен. Ведется подготовительная работа к изданию. Объем труда приблизительно десять печатных листов...

Меня могут спросить: «Как же так, вы служите в судебном ведомстве, когда имеете наклонность исключительно к культурно-просветительной работе?». На это я отвечу так. Совершенно верно. Я прежде всего культурный работник. Свою служебную деятельность в силу этого не могу ограничить исключительно служебными рамками. Культурная работа везде необходима...

По моему глубокому убеждению, сочетать служебную, научную, литературную и общественную деятельность — это не недостаток, а, скорее, достоинство. Конечно, об этом я заявляю с сознанием своих чрезвычайно скромных способностей. Будем работать, пока есть силы и здоровье».

Документ, разысканный И. А. Шевле, с волнующей силой дорисовывает образ одного из выдающихся представителей культуры чувашского народа.